

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Чернов Сергей Владимирович

воспитатель общежития № 1 Межгосударственного
образовательного учреждения высшего образования
«Белорусско-Российский университет»

В статье проводится анализ внешнеполитической деятельности правительства царя Бориса Годунова и делается попытка оценить перспективы, которые открывались перед Русским государством в начале XVII века в случае утверждения на российском престоле династии Годуновых.

Отношения при Борисе Годунове с западными державами продолжались по намеченным ранее путям. Желая утвердиться на престоле, царь Борис считал необходимым поддерживать добрые отношения с традиционными партнерами России, Империей, Англией, Данией и иными, справедливо полагая, что расположение их к нему и его династии может укрепить его позиции и внутри государства. Борис ведь, хоть и избранный по всем правилам, но в глазах старого московского титулованного боярства был не более чем выскочка, «счастья баловень безродный», в лучшем случае – один из них, который по какому-то капризу судьбы вознесся выше их. Поэтому новому царю во что бы то ни стало нужно было показать подданным, что он стоит на одной ступени с величайшими государями того времени. Лучшим способом доказать это, а также укрепить связи России с Западом, был бы династический брак. Сам Борис был женат, но у него были достаточно взрослые дети, которых он и решил породнить с какими-либо видными дворами Европы. Известны попытки Бориса выдать свою дочь царевну Ксению сначала за Густава Шведского, сына короля Эрика XIV, потом за Иоганна, принца Датского, но оба раза стечение обстоятельств помешало ему в реализации намеченного плана. До брака сына Бориса царевича Федора с иноземной принцессой дело также не дошло [1, с. 356–357].

Тем не менее Борис старался вступать в тесные отношения с иноземными дворами, прежде всего с английским и австрийским. Проблемы здесь были те же, что и ранее: в отношениях с Англией – торговые, причем Елизавета I справедливо полагала, что приход к власти Годунова, издавна расположенного к Англии, должен способствовать успехам английской торговли в России [1, с. 359]; с Империей по-прежнему оставалась актуальной идея антитурецкой коалиции, которую Борис осуждал, еще будучи временщиком при царе Федоре. Теперь он спешил продемонстрировать императору, что идея эта его действительно занимает, и он готов выступить в поход. Но оставалась еще и другая, весьма важная для России и в значительной степени для Империи проблема – отношения с Польшей. Россия, несомненно, стремилась заручиться поддержкой Империи в будущих столкновениях с Речью Посполитой, но Империя была здесь настроена более скептически – она больше расположена была воевать с Турцией, разумеется, в союзе с европейскими государями, польские проблемы уходили для нее на второй план. Кроме того, король Сигизмунд III был в браке с принцессой австрийского императорского дома, поэтому вероятность того, что Империя в ближайшее время выступит против Польши, была весьма невелика [1, с. 357–359]. Тем не менее Борис считал нужным поддерживать отношения с Империей, даже бесполезные для России, но полезные для него лично – все же он смог добиться, что император считал его, Бориса, своим братом, т.е. равным себе. То же самое можно сказать и о русско-английских отношениях, вернее, об отношениях Бориса и королевы Елизаветы.

Но более-менее успешная внешняя политика Бориса, которая, казалось бы, должна была укрепить его внутреннее положение, не смогла предотвратить падение династии Годуновых из-за весьма неудачной внутренней политики царя Бориса. Об этом сказано много в самых различных источниках и монографиях. Добавить тут нечего, но нужно отметить, что такая внутренняя политика проецировалась и на внешнеполитическое положение России. Именно из-за внутренних неудач

Бориса стал возможен феноменальный успех Самозванца со всеми его последствиями – разорением государства, утратой приграничных земель и едва не случившейся потерей Россией государственной независимости.

Здесь вполне закономерно поставить вопрос: если бы Борис был более разумен и менее подозрителен во внутренней политике, если бы не случились голодные годы в начале XVII в., другими словами, если бы династия Годуновых не пала, а удержалась у власти, как бы тогда развивалась внешняя политика Российского государства в западном направлении?

Прежде всего следует оценить, насколько серьезными были заявления Годунова относительно готовности вступить в антитурецкую коалицию. По этому поводу можно сказать следующее. Из контактов России с Турцией известно, что тон Москвы в отношении Стамбула с воцарением Бориса изменился. Еще раньше, при царе Федоре, стараниями того же Бориса оказывалась материальная поддержка Империи для борьбы с турками; вряд ли это могло понравиться султану, с которым до этого Россия поддерживала хорошие отношения. Но вообще заметно, что после смерти Грозного Россия, не отказываясь от западного направления, все же обращала значительно больше внимания на юг, вступая по этому поводу в переговоры с Империей и другими потенциальными участниками коалиции. Причем тон московского двора теперь уже был не формальный, как ранее при разговорах о походе на турок, уже, как отмечалось выше, оказывалась вполне реальная поддержка Империи в борьбе с османской угрозой. Все это говорит о том, что при определенных условиях Россия вполне могла бы решиться на участие в антитурецкой коалиции. Весьма возможно, кстати, что именно это переключение России с западного направления на южное и послужило одной из причин согласия германских городов на принятие на учебу русских студентов (речь идет об отправке при Годунове на учебу в Западную Европу, в т.ч. в Германию, молодых русских дворян) – Запад перестал ощущать так называемую «русскую угрозу» в той степени, как это было, например, в царствование Ивана Грозного.

Относительно Речи Посполитой политика Годунова рано или поздно должна была привести к новому столкновению, поскольку нерешенных проблем оставалось достаточно, а попытка решить их путем подписания унии в 1600 г. провалилась. Возможно, что и перемирие не было бы выдержано, как оно и случилось, но кто бы нарушил договор в случае сохранения престола за Годуновыми – уже нельзя сказать однозначно. А об исходе возможной борьбы можно сказать только то, что и итог ее, скорее всего, был бы тот же, что и в с. XVII в., поскольку Россия, усилиями Годуновых реформируемая в направлении европейского образования и военного дела, могла бы достичь к этому времени куда больших успехов в военной и политической областях, чем это произошло в реальности; можно даже предположить, что присоединение украинских, а возможно, и белорусских земель (или их части) произошло бы и раньше, и даже, возможно, без казачьей войны.

Со Швецией был тогда вечный мир, и Годунов додержал его до своей смерти. Но если бы он остался жив, и его династия не сошла с исторической сцены, то предполагать, как бы развивались отношения со Швецией, трудно. Возможно, вечный мир держался бы и далее, учитывая, что Балтийское побережье, находящееся в руках Польско-Литовского государства, вполне могло бы удовлетворить Россию, если бы она смогла его захватить. Но не исключено, что мир мог бы быть и разрушен одной из сторон – причем снова неясно, какой, т.к. поводов к началу новых противоречий у обеих сторон было достаточно – от старых претензий России на всю Ливонию до реанимации прежних опасений «русской угрозы» в Швеции, которые могли всплыть, если бы Россия разгромила Речь Посполитую и снова вышла к Балтике. А на то, что такая возможность у России была, указывает решимость Бориса в заведении просвещения на Руси – если бы он смог реализовать свою программу развития учебных заведений, отсылки студентов за границу и нового призыва зарубежных специалистов, т.е. то, что и сделал в свое время Петр I, то можно полагать, что русская армия вполне могла бы выйти на уровень ведущих европейских армий, как это случилось в начале XVIII века. На это потребовалось бы время, но у Бориса

был достойный продолжатель его дела – наследник престола Федор, о котором современники отзывались как о весьма способном и талантливым молодом человеке, которому только нелепая смерть от руки убийц не дала возможности продолжать дело своего отца. Если сюда еще прибавить и отсутствие при сильной власти в стране неурядиц и разорений Смуты, то можно предположить, что итогом внутри- и внешнеполитического развития России под скипетром Годуновых мог стать выход ее на уровень начала XVIII века уже к середине XVII столетия.

Таким образом, следует признать, что падение династии Годуновых в 1604 г., несомненно, явилось негативным фактором, пагубно отразившимся на дальнейшем развитии России, в том числе и в сфере внешней политики.

Список использованной литературы

1. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. – Кн. IV. История России с древнейших времен. – М. : Мысль, 1989. – Т. 7-8. – 752 с.

УДК 94 (476)

ДИСКУССИЯ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ НА ВСЕБЕЛОРУССКОМ СЪЕЗДЕ (ДЕКАБРЬ 1917г.)

Шардыко Игорь Владимирович

директор ИПКИП учреждения образования
«Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова»; кандидат исторических наук, доцент

В статье освещается дискуссия по аграрному вопросу, развернувшаяся на Всебелорусском съезде в декабре 1917 г. между представителями белорусских национальных партий и организаций и партий большевиков. Делается обоснованный вывод о том, что предложенный Всебелорусскому съезду план аграрных преобразований в Беларуси был поддержан как правыми эсерами, так и белорусскими социалистами (БСГ и др.). К сожалению, работа съезда была приостановлена органами Советской власти.

Октябрь 1917 г. дал мощный импульс развитию национального движения белорусов. В его рамках проходила консолидация политических сил на национальной основе. После того, как Северо-Западный областной комитет РСДРП(б) не принял никаких шагов по реализации белорусского вопроса, все национально-демократические партии поддержали идею создания «национального независимого государства белорусского народа». В прямую зависимость от ее реализации были поставлены социально-экономические преобразования в Беларуси. Руководство национально-демократических партий единогласно пришло к выводу, что только общенациональное собрание демократично может решить все назревшие в стране проблемы, в том числе аграрную.

С этой целью Великая белорусская рада вместе с Центральной войсковой радой решили созвать Всебелорусский съезд. Раду поддержали кадеты, правые эсеры, меньшевики, бундовцы, различные сионистские организации. За созыв съезда высказалась также БСДРП, возникшая в Петрограде из левого крыла БСГ. Как справедливо отмечает В.М. Игнатовский, «белорусы-большевики хотели использовать Конгресс для того, чтобы направить рабоче-крестьянскую часть его в сторону социальной революции» [1, с. 242].

С одобрением идеи созыва Всебелорусского съезда выступило и белорусское крестьянство. Так, например, крестьяне села Худовцы Могилевской губернии в письме в адрес Рады от 29 ноября 1917 г. выразили уверенность, что «несмотря на все препятствия, белорус сохранил живую душу и любовь к Свободе и счастью своего народа и 5 декабря покажет себя во всем величии перед лицом всего мира». Такие же сообщения поступили в адрес подготовительного бюро съезда от крестьян местечка Турец Ефимичской волости Минской губернии и из других регионов Беларуси [2, с. 2–3].

Всебелорусский Съезд открылся в Минске 5 декабря 1917 г., но основные его заседания проходили 15–18 декабря. В работе съезда приняли участие 1872 делегата, которые «репрезентовали всю белорусскую этнографическую территорию от Белостокщины до Смоленщины» [3, с. 9].

Характеризуя расстановку политических сил на съезде, лидер правого крыла Белорусской Рады К.Б. Езовитов выделял 4 основные фракции: белорусских «незалежников», которые «домогались создания собственной независимой белорусской державы» (их представляли организации, группировавшиеся вокруг Белорусской Рады. – прим. авт.); областников, считавших, что Беларусь на первых порах должна самоопределиваться на началах широкой областной автономии в политико-административном, экономическом и культурно-национальном отношениях (представители БОК – прим. авт.); белорусских автономистов (представителей народнического крыла БСГ, левых эсеров), требовавших «для Беларуси автономного строя со своей администрацией и краевой радой»; ассимиляторов, к которым причислял представителей Гомельского Союза белорусской демократии, Витебского Союза белорусского народа, Белорусского национального комитета в Могилеве, различных буржуазных, помещичьих и клерикальных организаций [4, л. 20–21].

Безусловно, борьба на съезде шла главным образом по вопросам о формах самоопределения Беларуси, ее взаимоотношениях с Россией. Вместе с тем ни одно политическое течение, представленное на съезде, не рассматривало национальный вопрос в отрыве от вопроса аграрного. Белорусское политическое движение и на этот раз продемонстрировало понимание неразрывной связи этих двух важнейших вопросов социальной революции.

Первым с докладом по земельному вопросу выступил на съезде бывший народоволец А.О. Бонч-Осмоловский. Докладчик рассмотрел аграрную проблему в Беларуси с позиции партии социалистов-революционеров, отметив, что «уравнительное землепользование развяжет земельный вопрос и тем самым достигнет справедливости» [5, с. 2].

Основные положения доклада А.О. Бонч-Осмоловского сводились к следующему:

1) представительное Учредительное собрание должно установить общие основания земельного устройства, одинаковые для всей России: всякая частная собственность на землю отменяется, пользоваться землей должен тот, кто ее обрабатывает. Эти общие основания обязательны для всей России, но каждая область будет применять и приспосабливать их различными способами и в различных формах сообразно привычкам, обычаям и правам своего народа и уровню его сельскохозяйственной культуры;

2) земельную реформу во всей России подготавливают земельные комитеты, но эти комитеты во многих местах действуют неправильно, а кое-где и совсем не действуют. Они должны быть переизбраны. Всем этим должен вести один Главный Белорусский земельный комитет или земельные комитеты из состава Всебелорусской Рады;

3) требуется организовать сильную революционную власть. К организации такой власти необходимо приступить возможно скорее, чтобы земельная реформа была проведена в возможно большем порядке, без межузобиц, согласно общим высшим интересам всего трудового народа;

4) провести правильно и справедливо земельную реформу сразу в 1918 г. совершенно невозможно. Необходимо будет первые 2–3 года признать переходными, пробными. По истечении каждого из них, пересмотреть и обсудить все то, что окажется в жизни неудобным, неправильным. И только после этих пробных лет можно будет установить более прочные, постоянные земельные порядки.

Позиция А.О. Бонч-Осмоловского по аграрному вопросу, изложенная на съезде, была конкретизирована лидером левого крыла БСГ О. Дыло в его статье «К аграрному вопросу», опубликованной Белорусской Радой в дни работы Съезда [6, с. 2]. В своей статье он признал, что лучшей формой землепользования является общинная. Но такая форма неприемлема для Беларуси, так как здесь нигде нет общинного землевладения, крестьянские хозяйства очень индивидуальны. В таких условиях переход к общинному землепользованию, по его мнению, возможен только через развитие сельскохозяйственной кооперации. В связи с этим, «пока что все земли в Беларуси должны перейти в единоличное пользование крестьян». В статье была сформулирована мысль о том, что лучшей формой единоличного землепользования для Беларуси является хуторское, то есть вся земля